

Прилепский Владимир Алексеевич

СПАСИБО ТЕБЕ, СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА!

Я родился 11 декабря 1923 года, в городе Коканде Узбекской ССР. Национальность русский. Атеист.

С 1944 до 1993г., до того времени, как прекратила активное существование коммунистическая партия Советского Союза, состоял в ее рядах. Членом КПСС стал, пройдя пионерию, комсомол.

В ноябре 1941г. из 10 класса 12 школы г. Свердловска, по комсомольскому набору, вступил в ряды Красной Армии.

По окончании войны, в соответствии с порядком, установленным министерством просвещения, мне, как ушедшему из школы на войну, был выдан аттестат об окончании средней школы. После войны продолжил военную службу и в 1949г. поступил в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Николая Егоровича Жуковского. В 1955г. с отличием ее закончил.

Мой отец — кадровый военный, кавалерист, командовал разными частями и соединениями. Мое детство проходило среди военных, и для меня люди в фуражках с красной звездой и шашкой на боку были постоянным окружением.

Они были моими кумирами. Но в те времена, в 30-е годы, главными любимцами всех мальчишек были Валерий Павлович Чкалов, Владимир Владимирович Коккинаки — знаменитые летчики.

В местах, где моей семье приходилось жить, часто наблюдались учебно-тренировочные полеты истребителей, стрельба по конусу, учебно-воздушный бой и т.д., и моей мечтой было также стать летчиком.

22 июня 1941 года наша семья жила в поселке Ленино, Еврейской автономной области на границе с Китаем. В этот день в дивизии, которой командовал мой отец, проходил конноспортивный праздник. Это было замечательное зрелище.

Но вдруг среди зрителей меня отыскал посыльный отца. Явившись к нему, я узнал, что началась война, и мы едем домой. Я понял, что сейчас наступила и моя очередь надеть военную форму и принять участие в защите рубежей нашей страны, но возраст еще не подошел. Для того, чтобы освободить военнотружущих для выполнения своего назначения, их семьи были эвакуированы подальше от границы в разные города.

Мы с мамой уехали в Свердловск, где жила ее сестра. Там я поступил в среднюю школу №12.

Второго ноября 1941г. меня и еще трех товарищей, которые родились в 23-м году, пригласили в райком комсомола, предложили вступить в ряды Красной Армии и направиться на учебные курсы радиотелеграфистов. Но я заявил, что хочу быть летчиком, на что, как мне кажется, не очень умный молодой товарищ, регистрировавший прибывших молодых комсомольцев, заявил:

«Положи комсомольский билет на стол и можешь идти в летчики!» Мне кажется, не так надо было поступать с людьми, готовившимся идти защищать Родину, ведь я не в кусты просился, я просился на военную специальность, тоже нужную стране не менее чем радиотелеграфист. Но, видимо, это указание, этот нажим победили, и я поступил еще на одни курсы радиотелеграфистов в Свердловске.

Там я встретил свое 18-летие и в январе 1942 года, окончив эти курсы, с большой группой выпускников, был направлен в Москву на пункт формирования гвардейского минометного полка «катюш». Тогда это было новое оружие, которое успело хорошо проявить себя на фронте. И вот мы: я, мои товарищи, как и многие другие, явились молодым ядром нового 128-го гвардейского минометного полка, резерва Верховного Главнокомандующего.

В феврале 1942 года сформированный 128-й гвардейский минометный полк прибыл на Волховский фронт. Тогда линия фронта проходила в 10-12 км, от западного берега реки Волхов. Немцы сильно охотились за этим оружием, и как только им удавалось обнаружить

где-то появление «катюши», туда немедленно направлялась авиация, начинался артобстрел, и поэтому подготовка к ведению стрельбы проводилась далеко от того места, где проводилась стрельба.

Подготовившись, быстро выезжали в район огневых позиций, быстро развертывались, производили залп и, даже, не успев как следует свернуть орудие, моментально уезжали, а немецкий обстрел проходил по пустому месту. Вот такие условия ведения боевых действий накладывали какую-то специфику. Мы нигде не имели обустроенного места для отдыха и, несмотря на зиму, мороз, ночевали где придется, окопавшись в снегу, набросав веток елей, постелив плащ-палатку, накрывшись шинелью, прижавшись друг к другу по несколько человек. Несмотря на такие условия быта, как ни странно, никто не болел, даже насморка практически не было.

Началась весна 1942 года. Дороги за Волховом растаяли, и снабжение из-за Волхова на передовую, где располагались огневые позиции, проходило в очень трудных условиях. В некоторых местах были проложены гати из поваленных деревьев, на болоте по которым едва-едва могли пройти машины. Но эти гати быстро разбивались. Груз переносили на своих руках, и это был единственный способ снабжения передовой.

Поскольку уже немцы привыкли к существованию «катюш» и, кроме того, что военная промышленность произвела большое количество этого оружия, которое появилось на всех фронтах, а также, потому что дороги не позволяли по существу перемещаться, огневые позиции нашего полка в нескольких километрах от передовой были оборудованы, замаскированы, но привязаны к этому месту.

Празднование 1-го Мая 1942 года командование Волховского фронта решило отметить ударом по укреплениям немецких войск и, если удастся, прорвать оборону и продвинуться дальше, с тем чтобы расширить плацдарм на западном берегу Волхов. Но для этого нужно было подвести достаточное количество боеприпасов.

Снаряды для гвардейских минометов «катюша — М13» были около 70 кг весом и для того, чтобы обеспечить несколько залпов, пришлось поднять и мобилизовать на переноску этих снарядов практически весь личный состав полка. С утра мы отправлялись к самому берегу Волхова, где были собраны снаряды.

По двое брали снаряд, подвешивали его на жердь, на плечи и так несли, ступая по болоту, по суше, по кочкам, иногда спотыкаясь и падая. До завтрака успевали отнести по одному снаряду.

Завтракали тем, что было, и отправлялись за следующим снаряжением. Доставляли еще один снаряд, обедали, немного отдыхали и шли за следующим снаряжением. И таким образом двое человек за один день успевали принести по три снаряда. Участвовал весь личный состав полка. Всего было доставлено снарядов на два залпа. 1 мая с рассветом были произведены два залпа по целям, указанным командованием. Но, видимо, из-за весенней распутицы серьезных результатов эти залпы не дали.

Летом 1942 года в полку были организованы курсы младших лейтенантов артиллерии. Появилось достаточное количество техники для гвардейских минометов, создавались новые части. Нужны были кадры. На курсы были отобраны из полка десять человек.

Кроме теории применения этого вида оружия, мы проходили и практику. По окончании курсов нам было присвоено звание младшего лейтенанта. Мы были направлены в распоряжение опергруппы гвардейских минометных частей (ОГМЧ) Волховского фронта. Я рассчитывал получить назначение в огневой взвод, чтобы по-настоящему воевать наносить серьезный урон войскам противника. Но, видимо, учитывая мою прежнюю специальность, в опергруппе назначили меня начальником связи дивизиона, формирующегося и в будущем включенного в 318-й гвардейский минометный полк.

Сформированный 318-й полк был направлен в поддержку 2-й ударной армии, готовящейся прорывать блокаду Ленинграда близ Ладожского озера, местечко Липки. После успешных боев по прорыву блокады Ленинграда в районе Сенявино, полк был направлен на другой участок фронта.

И тут, когда временно остановились в районе Розино, над нами появился немецкий самолет-разведчик (корректировщик), который, видимо, обнаружив передвижение, вызвал огонь дальнобойной артиллерии. Начался обстрел. Я был ранен. Ранен не в грудь, как герой, не в спину, как трус, а просто в ногу. Сгоряча я принялся бежать, сколько-то пробежал, а потом боль свалила меня. Товарищи отнесли меня в безопасное место, а позже санитарные службы погрузили раненых в машины и на санитарном поезде отправили на лечение в госпиталь 111 фронтового эвакуационного пункта (111ФЭП), г. Боровичи.

Излечение шло сложно: рана не заживала, хоть и уменьшалась, но оставалась открытой. Видимо, врачи при первоначальном обследовании не обратили внимания, что ранение проникающее. Пришлось

делать рентген, в результате которого обнаружили, что в глубине тканей находится инородное тело неправильной формы.

Сделали операцию, извлекли кусок металла и высказали предположение, что это оболочка пули. Я сказал, что это не может быть пуля, т.к. ранен я был далеко от линии фронта. А значит, это был осколок. Затем, внимательно посмотрели на этот кусочек металла, протерли его, увидели, что это была искривленная половинка 20-копеечной монеты. Дело в том, что я, будучи комсоргом дивизиона, собирал у солдат членские взносы, а кошелек носил в кармане. Осколок попал в кошелек и вместе с монетой остался в моей ноге. Вот так я и получил ранение. Но после операции рана не стала заживать лучше. Оказалось, что в ране еще остались другие мелкие осколки.

Наконец, после повторной операции дело пошло на поправку, и в декабре я выписался из госпиталя. Мне, в некоторой степени, повезло. А дело вот в чем. Вместо того чтобы отправить меня куда попало, я был направлен в штаб Волховского фронта, т.к. был представителем специального оружия специального рода войск. Там выяснилось, что полк передан в распоряжение Ленинградского фронта и перебазировается на Ораниенбаумский плацдарм для дальнейших боевых действий.

Прибыв в местечко Лисий нос, где проводилась переправа через Финский залив, я обнаружил, что полка там уже нет, он уже переправлен. И меня, как подозрительно шныряющего по разным местам, вроде как шпиона, задержали, посадили на ночь в темную холодную клетушку до выяснения личности.

Правду выяснить удалось довольно-таки быстро. Утром приехал представитель полка, удостоверил мою личность и забрал из заточения. Пришлось ждать оказии для переправы. Через день-два такая возможность появилась, я переправился на южный берег Финского залива, прибыл в свой полк и вступил в ранее занимаемую должность.

25-го января начались боевые действия по снятию блокады Ленинграда. Немецкие войска были отброшены, операция с огромными потерями с обеих сторон, была успешно завершена.

Как я раньше уже говорил, полк был в резерве Главнокомандования, т.е. постоянной приписки к какому-либо фронту, какой-либо армии он не имел, а входил к ним в состав поддерживающих сил. При прорыве обороны Ленинграда под Сеновиным он поддерживал 2-ю ударную армию. И вот теперь полк перебрасывался на северный берег Финского залива для развития наступления для поддержки 59-й армии.

В боевых действиях на северном берегу Финского залива запомнились курьезные случаи. Над нами пролетали два штурмовика «Ил-2», видимо, возвращаясь с задания. И вдруг за ними увязались три «Фиата». Но наши ребята на Илах не струсили. Развернулись и, после того как один «Фиат» был сбит, оставшимся, как говорится, дал бог ноги (винты).

Другой случай. Группа из двух или трех наших штурмовиков приняла расположение наших же машин за противника. Один из штурмовиков дал залп с обоих крыльев реактивными снарядами. Серьезного урона, к счастью, не принес, но осколок попал в двигатель одной из машин. Собственными силами технической части удалось починить поврежденный двигатель. Парк боевых машин был в прежнем составе.

В одной из операций от нашего полка были отозваны две боевые машины. Несколько странный вариант: не батарея, а две машины были выдвинуты вперед, практически в ряды наступающих войск, для непосредственной поддержки их огнем. Командовал этими двумя машинами командир батальона капитан Иван Хоменко.

За успешные действия по поддержанию наступления стрелковых частей огнем «катюш» Иван Хоменко был удостоен звания Героя Советского Союза. Я тоже сопровождал эти машины со своими радиостами. После успешного завершения этой операции войска Ленинградского фронта 59-й армии остановились на переформирование, а наш полк был направлен в Москву для ремонта техники и пополнения личного состава.

Там, в районе станции Зеленоградская в течение 3-х месяцев полк получал новую технику, пополнялся личным составом и в марте 1945-го года был переброшен на 1-й Белорусский фронт под Минск для поддержки боевых действий 59-й армии.

Вместе с 59-й армией мы дошли до Варшавы и на восточном берегу Вислы остановились подготовиться к решающему наступлению. Вот так получается, что я, в основном, рассказываю о боевом пути одного и другого полков, в которых я служил.

Дело в том, что я лично никаких героических подвигов не совершал. Моя должность — начальник связи дивизиона, не представляла для этого особенных возможностей. В войсках всегда складывается так: если нет связи по какой-либо причине, то связисты — чуть ли не враги, а если связь есть, что чаще всего и было, то это так и должно быть.

В ходе боевых действий на Берлинском направлении мы проезжали через Варшаву. Этот город был сильно разрушен. Немцы в ту-пой ярости, бессильной злобе превратили Варшаву в груды развалин. С боями, вместе с 50-й армией дошли до реки Одере, остановились для подготовки к штурму немецких войск на Берлинском направлении. И опять новый поворот в боевых действиях. Полк был приписан ко 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу совместно с другими под-держивающими частями для операции по окружению Берлина. Эту операцию 2-й гвардейский корпус провел очень успешно и к концу а-преля вышел к г. Ратенов, что западнее Берлина.

В этой операции в нашем полку случилось вот что. Дивизион — две батареи — восемь боевых машин заняли огневую позицию на опушке леса в стороне от дороги. В это время на ней появился немец-кий танк. Он остановился и открыл стрельбу по боевым машинам, в результате чего шесть из восьми машин были уничтожены.

Но тут, как бывает только в кино, в кустах случайно оказался рояль, а именно артиллерийский расчет противотанкового орудия, который точным попаданием поджег этот танк. Только наши потери от этого меньше не стали. Дивизион остался без своей ударной мощи.

Спасибо тебе, солдатская смекалка! Артиллерийский техник стар-ший лейтенант Александр Лобанов проявил инициативу. Он предло-жил со сгоревших машин снять направляющие, с которых запускают-ся снаряды, укоротить их, сделав своего рода обрез и с каких-либо подсобных, местных предметов производить запуски снарядов.

И вот он и его товарищ, начальник связи этого дивизиона, стар-ший лейтенант Константин Доморовский, погрузили на трофейную легковую машину обрезающую направляющую, пару ящиков снарядов (четыре снаряда). Поехали в город, который наполовину еще оставался в руках немцев. Заходили в дома, которые выбирали с точки зрения огневой позиции, привязывали проволокой эту направляющую к чему-то (говорят, что один раз это даже был рояль), направляли на проти-воположный, еще удерживаемый немцами дом и запускали снаряд. Несколько пусков были очень удачными. Старший лейтенант Алек-сандр Лобанов и Константин Доморовский были награждены орде-нами Красного Знамени.

Известие об окончании Великой Отечественной войны настигло наш полк на пути к новому месту дислокации. Мы еще не знали, что война закончилась и воспринимали дислокацию как новую перегруп-пировку. Командование, видимо, подразумевало введение нашего пол-ка в состав группы оккупационных войск.

Раньше других нас известили об окончании войны идущие по дорогам немцы, которые везли на колясках свой нехитрый скарб. Они возвращались в покинутые дома, были этому рады и, улыбаясь, говорили: «Гитлер капут!» Вот так для нас закончилась война.

Потом, когда наш полк находился в месте постоянной дислокации, мы услышали официальное сообщение по радио об окончании войны. От радости, от великого ликования вокруг началась такая стрельба, что казалось, что война не закончилась, а разгорелась с новой силой.

Стреляли, конечно, вверх из всех видов оружия: трассирующими пулями, снарядами, ракетницами: стреляло все, что могло стрелять. Из репродуктора голосом Левитана с нами говорила сама Победа.

Голос этого диктора с самых первых дней войны — от сообщения о нападении фашистской Германии на нашу страну без объявления войны — и до последнего дня — сообщения о капитуляции фашистской Германии, о полном разгроме немецких войск, о нашей Победе, такой долгожданной, такой дорогой, этот голос Левитана входил в каждый дом с рассветом, заставлял сильнее биться наши сердца, ежедневно вселял в нас веру в то, что враг будет разбит, победа будет за нами.... Этот голос был неотъемлемой частью нашей победы от начала и до конца.

В составе группы Советских оккупационных войск в Германии полк пробыл до 6 июня 1945 года. После чего получил приказ о перебазировании собственным ходом в город Каунас Литовской ССР в место постоянной дислокации.

По пути в Каунас, уже у самого въезда в город, колонна остановилась, командиры поехали к коменданту города, чтобы выяснить точный адрес расположения. Я подошел к литовскому крестьянину, работающему недалеко от дороги, и попытался с ним поговорить. Оказалось, что он неплохо говорил по-русски. Он с интересом стал расспрашивать меня о том, что будет с крестьянами, с землей.... Будут ли колхозы? Я отвечал, как сам думал, в соответствии со своим образованием, пониманием жизни. Я отвечал, что колхозы, конечно, будут, потому что это же хорошо, совместная обработка земли должна быть более успешной, полезной, более качественной. Я не был крестьянином. Мои объяснения, доводы о преимуществах коллективной обработки земли по сравнению с единоличной ему показались неубедительными. В Каунасе полк занимался хозяйственной деятельностью и боевой учебой. Здесь мы участвовали в первых демократических выборах в Верховный совет СССР.

Выборы проходили с принятием особых мер предосторожности против возможных провокаций «зеленых» или «лесников», как называли литовских националистов, которые от Советской власти ушли в леса. Выборы прошли благополучно, никаких провокаций не произошло.

В Каунасе полк пробыл недолго. В июне 1946 года ему было предписано отправиться к новому месту дислокации в Узбекистан, на Афганскую границу — в город Термез. На этот раз перебазирование проводилось воинским эшелоном.

Мы прибыли в Термез и расположились на краю города, откуда уже была видна пограничная река. Жилья практически не было, мы увидели наполовину разрушившиеся стены от когда-то одноэтажных зданий; крыш не было вообще. Но, благо что было лето, мы занялись восстановлением выделенного нам жилья, привели здания в порядок, наполнили их соответствующим оборудованием, мебелью и наконец-то «расквартировались».

В этом гарнизоне, в месте дислокации полка, организация полка была несколько преобразована: например, была создана школа сержантского состава, чего в боевом действующем полку не было, а сейчас началась мирная жизнь, нужно было готовить кадры для будущего пополнения. И вот в этой школе сержантского состава я был назначен командиром взвода связи.

В моем взводе было два отделения: радисты и телефонисты. Командирами отделений были назначены сержанты, уже прошедшие войну, имеющие опыт, а солдаты были из вновь набранного пополнения. Я вместе с сержантами передавал молодым бойцам свои знания и накопленный опыт. В начале 1947 года я был отозван в Академию им. М.В.Фрунзе и назначен командиром взвода телефонной роты в отдельный батальон связи этой академии, который располагался в г. Загорске.

Все эти годы после окончания войны меня не покидала тяга к знаниям, я хотел учиться и в августе 1948 года попытался поступить в Академию связи им. Буденного, немного не дотянул до проходного балла и вернулся в батальон связи. В 1949 году я узнал о существовании в Москве Военно-воздушной инженерной академии, в которой есть радиотехнический факультет. Я попытался поступить в эту академию, и в сентябре 1949 года я был зачислен слушателем 4-го радиотехнического факультета Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Николая Егоровича Жуковского. В 1955 году я с отличием закончил эту академию и был направлен в центральный аппарат

Военно-Воздушных сил, в заказывающее управление. Это управление занималось тем, что формировало заказы для нашей военной промышленности на разработку новых образцов авиационной техники, занималось испытанием этих образцов, принятием их на вооружение, оформлением государственного заказа для промышленного производства и поставку нового вооружения в войска.

В 1974 году я был уволен в запас по возрасту. Но и после этого продолжал трудиться в научно-исследовательских институтах радиотехнической промышленности, заниматься практически тем же самым, а именно исследованием и разработкой средств радиотехнического оборудования для вооруженных сил.

Уже будучи 19 лет пенсионером, только в 1993 году я ушел на давно заслуженный отдых, прекратил свою трудовую деятельность и вышел на пенсию.

За время службы и мирной трудовой деятельности я неоднократно награждался правительственными наградами. Указом президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. я был награжден медалью «За оборону Ленинграда». В июне 1945 года награжден орденом Красной Звезды № 1438293. В 1946 году за пять лет безупречной службы в вооруженных силах был награжден медалью «За боевые заслуги».

А в 1951 году уже за 10 лет безупречной службы был награжден орденом Красной Звезды № 3465739. В 1973 году Указом президиума Верховного Совета СССР за участие в разработке и внедрении в войска транспортно-десантного самолета «АН-22» я был награжден третьим орденом Красной Звезды № 3650973. 11 марта 1985 года в ознаменование 40-летия со дня победы Великой Отечественной войны я среди других ветеранов был награжден орденом Отечественной войны II степени № 3131363.

Также я был награжден медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (№ Ж0345698 Указом президиума от 9.05.45 г.), «За взятие Берлина» (№ А427175 Указом президиума Верховного Совета от 9 июня 1945 г.), «В память 250-летия Ленинграда» (Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов от 9 июня 1958 года). В апреле 1970 года награжден медалью «За воинскую доблесть» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, а также 13 другими медалями, посвященными юбилеям Вооруженных сил и победы в Великой Отечественной войне.

Несколько эпизодов и дополнений к ранее сказанному.

Как я уже говорил, в войну я вступил солдатом-радиотелеграфистом. На вооружении в полку сначала 28-го гвардейского минометного полка, а затем 318-го гвардейского минометного полка были полевые переносные радиостанции.

Но с самого начала войны и до того момента, как мы уже подступили к самому логову фашистов — Берлину, радиостанции было применять крайне затруднительно: по правилам, действующим в армии, поддерживающая часть выдает связь поддерживаемому. Т.е. сначала я приходил с радиостанцией в ту часть, которую нужно было поддерживать, и как только начинал разворачивать радиостанцию, командиры этой части в довольно нелитературных выражениях требовали свернуться, т.к. развертывание радиостанции может спровоцировать налет вражеской авиации.

В результате этого нам, радистам, приходилось работать в качестве телефонистов, т.е. разматывать телефонный провод от командного пункта нашего дивизиона к командному пункту поддерживаемой части. Это было очень непросто: размотать телефонную катушку с телефонным кабелем и потом поддерживать связь, которая постоянно рвалась при обстреле, при попадании осколков от разрывов снарядов.

Бывало, что телефонный кабель, протянутый вдоль наезженной дороги, хотя и подвешенный на ветки ближайших деревьев, оказывался намотанным на гусеницы танков. Дело в том, что танки при необходимости отворачивали придорожные кусты, деревья, на которых висел кабель, и сматывали его. В таких случаях приходилось долго восстанавливать связь, разыскивать оборванные концы, находить кабель, которым можно было бы заменить вырванную часть кабеля.

В начале боевых действий на Волховском фронте это была очень трудная, практически невыполнимая задача. Кабеля в распоряжении подразделений части было немного, и где взять этот унесенный кабель было совершенно непонятно. Но оставить все без изменений было просто нельзя, и поэтому приходилось выходить из положения. По мере проведения наступательных операций, когда перешли на территорию, ранее занимаемую войсками противника, это положение значительно облегчилось: подбирали кабель, брошенный немецкими связистами, и использовали его.

Кстати сказать, кабель у немцев был лучше нашего, он уже в то время был в современной хлорвиниловой изоляции, тогда как наш был в резиновой матерчатой изоляции, пропитанной озокеритом, которая не выдерживала влаги и т.д.

Конечно, не мне единственному пришла в голову мысль прокладывать кобель не вдоль дорог, а напрямик по азимуту, через лес, где танки и люди не ходят: обстрелов меньше и повреждений тоже меньше. Я поделился своими соображениями с начальником связи другого дивизиона, моим однокашником по курсам в 28-м гвардейском минометном полку Володей Зотовым, и с Костей Доморовским.

Мы подняли уровень устойчивости связи в нашем дивизионе на большую высоту. Моя инициатива помогла связистам сделать связь более устойчивой, менее повреждаемой. Видимо, это сыграло свою роль в том, что по возвращении из госпиталя меня с радостью приняли обратно и без сожаления расстались с другим лейтенантом, который временно меня замещал.

В начале операции по прорыву обороны немцев на Берлинском направлении на Кюстринском плацдарме был такой случай. Когда из-за интенсивного обстрела наших позиций был порван телефонный кабель и связь прервалась, на восстановление линии отправился командир телефонного отделения сержант Матвей Сергеевич Липин. Вскоре связь была восстановлена. Позже мы нашли Матвея Сергеевича убитым. Никто не видел, чего ему стоила восстановленная связь, но мы считаем Матвея Липина героем, погибшим в этой операции.

В конце этой операции по развитию наступления на южном берегу Финского залива 2-я ударная армия и наш полк, поддерживающий ее, дошли до г. Нарвы. Здесь в феврале 1944 года я был принят в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и пробыл ее членом до 1991 года, когда она, не без помощи Горбачева и Ельцина, прекратила свою деятельность.

В 1948 году я женился на Антонине Михайловне Красуленковой. Теперь она Прилепская. Она тоже является участником войны, была стрелком-радистом на пикирующих бомбардировщиках П-2. Участвовала в обороне Сталинграда, в обороне Кавказа. Демобилизовалась в 1945 году.

Мой отец, полковник Прилепский Алексей Иванович, в начале войны был переброшен из Еврейской автономной области на Западный фронт и в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, командуя дивизией, участвовал в боевых действиях против немецко-фашистских войск. В 1943 году был отозван в Академию им. Фрунзе и работал преподавателем, передавая знания, обучая тактике ведения боевых действий молодых слушателей академии. Демобилизовался в 1958 году.

Моя мама, Прилепская Мария Афанасьевна, также участвовала в Великой Отечественной войне. Из Свердловска она вместе со своей подругой, военврачом, сформировала санитарный поезд, в котором служила на различных хозяйственных должностях.

Вот и все, пожалуй, о чем я хотел рассказать...

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Кордонский Владимир Илларионович**, курсант 4-го курса Московского государственного строительного университета